

Небо под КРОВЬЮ ДРАКОНА

КНИГА ПЕРВАЯ

Ризат Ризат

Небо под кровью дракона

<https://litres.ru/74575164>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кайрен привык доверять картам: у каждой дороги есть направление, у каждой горы — высота, а у каждой ошибки — причина. Но однажды над северными вершинами появляется дракон, считавшийся легендой, а следом по ночному небу проходит бесшумный чёрный корабль.

На месте обвала Кайрен находит древний осколок, который узнаёт его прикосновение и открывает путь в забытые города под землёй. Вместе с Элларой Вейн — наследницей вампирского дома, чья собственная история оказывается построена на лжи, — он узнаёт правду о Хранителях, драконах и тех, кого древние народы называли Создателями.

Когда Создатели возвращаются, чтобы завершить тысячелетний эксперимент, людям, вампирам и драконам предстоит решить не только, как выжить, но и кто вообще имеет право выбирать судьбу целого мира.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	30
ГЛАВА 3	57
ГЛАВА 4	82
ГЛАВА 5	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ризат

Небо под кровью дракона

ГЛАВА 1

КРИК НАД ГОРАМИ

Первым его услышал Кайрен.

Он стоял на краю северного склона, прижимая коленом деревянную доску с картой, когда над горами прокатился звук, от которого дрогнула земля.

Не гром.

Гром Кайрен знал слишком хорошо. В северных хребтах он мог прийти без дождя, ударить в одну вершину, отразиться от другой и ещё долго бродить по долине, пока люди внизу спорили, сколько раз он прозвучал. Этот звук был иным — низким, протяжным, слишком тяжёлым для неба и слишком живым для камня.

Кайрен медленно поднял голову.

Над дальними вершинами висели густые облака. Солнце уже скрылось за хребтом, но снег на самых высоких пиках ещё держал холодный серебряный свет. Ветер тянул с ледников сухой запах камня и хвои. Обычно здесь было шумно по-своему: кричали горные птицы, перекатывались мелкие

камни, шуршала трава между трещинами.

Теперь птицы молчали.

Все.

Одновременно.

— Показалось, — тихо сказал Кайрен.

Голос прозвучал неубедительно даже для него самого.

Он заставил себя снова посмотреть на карту. Перед ним лежал почти законченный маршрут северного перевала. Три дня Кайрен проверял расстояния, считал повороты, отмечал места, где весенние потоки смывали тропу. Королевские карты ошибались здесь уже много лет: дорога уходила западнее, чем было указано в официальных копиях, и караваны каждый сезон теряли время, а иногда и повозки.

Ничего героического. Просто плохая карта, которую можно было сделать хорошей.

Именно это Кайрен и любил в своей работе. На бумаге мир подчинялся правилам. Гора имела высоту. Река — направление. Дорога либо существовала, либо нет. Чернила не пытались убедить тебя в том, что ты не видел своими глазами.

Он макнул перо в маленькую чернильницу.

Звук повторился.

На этот раз ближе.

Перо выпало из пальцев. Низкий рёв прокатился между вершинами, будто сами горы заговорили после многовекового молчания. Кайрен почувствовал вибрацию подошвами

сапог. Чернильница опрокинулась, и чёрная клякса растеклась по маршруту, который он выводил последние три дня.

Он даже не заметил.

Что-то двигалось над дальней вершиной.

Сначала Кайрен решил, что это облако. Огромная тёмная масса появилась между двумя пиками и медленно вышла из тумана. Слишком большая для птицы. Слишком плавная для лавины.

Тень изменила форму.

И расправила крылья.

Кайрен работал картографом не потому, что мечтал когда-нибудь увидеть своё имя на королевской карте. В детстве он вообще считал карты скучными. Всё изменилось в год, когда весенний паводок снёс старый мост и отрезал деревню от тракта почти на две недели. Тогда его наставник, мастер Орен, показал ему два листа бумаги: один — официальный, аккуратный, с печатью управы; второй — исписанный карандашом, с кривыми пометками, стрелками и приписками на полях.

— Какой из них правильный? — спросил Орен.

Кайрен указал на красивый.

Наставник рассмеялся.

— Вот поэтому люди и тонут.

На официальной карте мост всё ещё стоял на месте, а на рабочей уже была отмечена новая переправа выше по течению. Орен объяснил тогда, что карта — это не рисунок зем-

ли. Это обещание человеку, которого ты, возможно, никогда не увидишь. Он пойдёт туда, куда ты ему скажешь. Если ты поленился проверить тропу, он заплатит за твою лень ногами, лошастью, а иногда жизнью.

С тех пор Кайрен относился к каждому знаку серьёзно.

Даже к тем, происхождения которых не понимал.

Особенно к ним.

Орен исчез три года назад. Не умер — по крайней мере, тела никто не нашёл. Он ушёл проверять старую дорогу севернее перевала и не вернулся. Через неделю Торвен нашёл его рюкзак у реки, сухой, застёгнутый, будто хозяин аккуратно положил его на берег и ушёл дальше без вещей.

В рюкзаке лежала та самая старая карта, которой теперь пользовался Кайрен.

Он редко думал об этом здесь, в горах. Вернее, старался не думать. Если позволить себе слишком долго смотреть на север, неизбежно вспоминался голос наставника, раздражённое постукивание карандаша о стол и его привычка писать предупреждения мельчайшими буквами там, где нормальный человек поставил бы один крестик.

Сегодня Кайрен впервые задумался, не было ли исчезновение Орена связано с теми линиями на карте, которые никто после него не смог объяснить.

Мысль была неприятной.

Он отодвинул её, как отодвигал каждый раз, когда она возвращалась.

Работа сначала. Домыслы потом.

Кайрен перестал дышать.

С детства он видел драконов везде: на гербах старых домов, на медных монетах, на дверях храмов, на выцветших фресках. Там они всегда выглядели одинаково — чудовища, которых кто-то победил. Рыцарь держал меч, дракон лежал у его ног, а вокруг стояли благодарные люди.

В детстве Кайрен спрашивал Торвена, существовали ли драконы на самом деле. Старый охотник отвечал: если люди тысячу лет подряд рисуют одно и то же чудовище, значит, либо оно существовало, либо у людей действительно очень плохое воображение.

Кайрен всегда считал это шуткой.

Теперь над горами летело нечто, что не оставляло места для шуток.

Существо сделало один медленный взмах. Даже с такого расстояния Кайрен понял, насколько оно огромное. Крыло на миг перекрыло снежную вершину. Потом дракон накрепился и скрылся в облаках.

Несколько секунд ничего не происходило.

— Нет, — прошептал Кайрен.

Будто отрицание могло отменить увиденное.

Из-за вершины донёсся третий рёв.

Внизу, далеко в долине, разом залаяли собаки.

Кайрен наконец пришёл в себя. Он схватил карту, кое-как свернул её и сунул в кожаный футляр. О чернильнице забыл.

О пере, оставшемся на камне, тоже.

Домой он почти бежал.

Тропа вниз была знакома настолько хорошо, что большую часть пути Кайрен мог пройти в темноте. Сегодня он несколько раз едва не оступился, потому что постоянно оглядывался. Небо снова казалось обычным: тёмные облака, последние полосы света, никаких крыльев.

Но рёв всё ещё жил в памяти.

Деревня лежала у подножия гор, тесно прижавшись к реке. Два десятка домов, кузница, трактир с кривой вывеской, старая колокольня, которую уже никто не использовал по назначению. Обычно к вечеру улицы пустели. Сегодня на площади стояли почти все.

— Это был обвал!

— Обвал не ревёт!

— Камни пошли со стороны Чёрного пика!

— Я видел тень!

Кайрен узнал голос Мерта, мельника. Тот редко говорил уверенно даже о погоде, а сейчас стоял в центре площади с побелевшими пальцами, вцепившимися в ремень фартука.

— Над самым хребтом, — продолжил он, уже тише. — Сначала решил, что дым. Потом оно повернуло.

— Что повернуло? — спросил кузнец Радан.

Мерт открыл рот и не ответил.

Кайрен понял почему. Произнести слово вслух означало сделать увиденное настоящим.

Дракон.

На краю площади кто-то рассмеялся. Смех получился слишком громким и оборвался почти сразу. Старуха Нера, продававшая травы и мази, перекрестила пальцами грудь по старому горному обычаю, который деревенский священник безуспешно пытался искоренить последние двадцать лет.

— Моя бабка рассказывала, — сказала она, — когда дракон кричит трижды, кто-то пришёл к его двери.

— Твоя бабка рассказывала, что в колодце живёт дух, который ворует носки, — буркнул Радан.

— И где твой левый носок прошлой зимой?

Несколько человек нервно улыбнулись.

Кайрен смотрел не на них. Он смотрел на Торвена.

Старик не спорил с Нерой.

Вот это было хуже любого суеверия.

Торвен всегда спорил.

Кайрен подошёл ближе.

— Вы слышали такую легенду?

— Я слышал слишком много легенд.

— О трёх криках?

— Кайрен.

— Это третий был сейчас?

Торвен медленно повернулся. На мгновение его взгляд стал не просто испуганным — виноватым.

Так смотрят люди, которые слишком долго надеялись, что старый долг никогда не придётся платить.

Кайрен заметил это и запомнил.

— Что вы знаете? — спросил он.

— Достаточно, чтобы советовать тебе уйти домой.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который сегодня может сохранить тебе жизнь.

Ветер донёс с севера запах снега. Кайрен вдруг вспомнил наставника.

Орен любил повторять, что страх ползет ровно до тех пор, пока не начинает рисовать карту вместо тебя. «Испуганный человек видит пропасть там, где лежит тень, и безопасную дорогу там, где ему просто хочется её увидеть».

Кайрен тогда считал это одной из бесконечных фраз, которыми Орен превращал обычную работу в философию.

Теперь эта фраза вернулась сама.

— Если там опасность, — сказал Кайрен, — разве не лучше понять, какая?

Торвен вздохнул.

— Ты всё больше говоришь как он.

— Как Орен?

Старик сразу отвёл взгляд.

Это было второй странностью за вечер.

— Причём здесь Орен?

— Ни при чём.

— Он исчез на севере.

Торвен стиснул челюсть.

— Три года назад.

— С картой, на которой отмечен этот склон.

— Ты сейчас соединяешь точки, которые могут вообще не быть частью одного рисунка.

Кайрен почти усмехнулся.

— Я картограф. Это буквально моя работа.

Торвен посмотрел на него долго и тяжело.

— Именно этого я и боялся.

Он хотел сказать ещё что-то, но со стороны трактира выбежал мальчик лет десяти и закричал, что в хлеву обезумели лошади. Несколько мужчин сорвались с места.

Кайрен остался рядом с Торвеном.

— Животные тоже слышали?

— Животные часто слышат раньше людей.

— Что?

— Когда мир меняется.

Ответ прозвучал слишком серьёзно.

Кайрен хотел продолжить, но заметил на руке Торвена тонкий старый шрам. Не сам шрам — он видел его раньше. Важным было другое: старик машинально прикрыл его рукавом, когда посмотрел в сторону гор.

Будто боялся, что Кайрен заметит форму.

Три короткие дуги пересекали запястье.

Почти такие же, как знак на старой карте.

Кайрен не успел спросить.

Над площадью вдруг потемнело.

После последних слов стало тише.

У колодца стоял Торвен. Высокий, несмотря на возраст, с густой седой бородой и тяжёлой шубой. Обычно старый охотник говорил громче всех. Сегодня молчал и смотрел на горы.

— Вы тоже видели? — спросил Кайрен.

Торвен медленно повернул голову.

— Что именно?

— В небе.

Несколько человек сразу посмотрели на Кайрена.

— Ничего я не видел, — ответил Торвен.

Слишком быстро.

— Но звук...

Дракон исчез в облаках, но зрение Кайрена ещё несколько мгновений удерживало его силуэт, словно глаз отказывался принять, что пустое небо снова пусто.

Он вспомнил старый праздник Огней, который в деревне устраивали каждую осень. Дети мастерили из тростника крылья, взрослые зажигали на склонах семь костров, а Торвен неизменно ругался, что нынешние песни о драконах «сочинили люди, которые никогда не видели ничего больше гуся».

В одной из песен рассказывалось о чёрном драконе, который спал в северной горе и просыпался только тогда, когда на небе появлялась «звезда без света».

Кайрен всегда принимал эту строку за красивую бессмыс-

лицу.

Теперь она перестала быть красивой.

Он попытался вспомнить продолжение.

Что-то о семи сторожах. О человеке без короны, который разговаривал с чудовищем. О том, что дракон якобы не служил ему, а лишь «делил с ним один взгляд».

Когда-то Орен записывал народные песни рядом с маршрутами. Кайрен тогда смеялся: зачем картографу сказки?

— Потому что люди забывают дороги быстрее, чем песни, — отвечал наставник. — Если три деревни поют про одну и ту же скалу, значит, стоит сходить и посмотреть на скалу.

Теперь Кайрен хотел бы задать ему ещё десяток вопросов.

Сколько подобных песен Орен записал на севере?

Почему на старой карте отсутствовали некоторые привычные названия?

И почему место, над которым только что появился дракон, было отмечено чужим знаком, а не обычным значком вершины?

Рёв прокатился по долине в третий раз.

Кайрен почувствовал не страх — пока ещё нет.

Скорее внезапное ощущение, что привычный мир оказался тонкой коркой льда и кто-то только что ударил по ней снизу.

— Горы шумят.

— Вы сами знаете, что это был не обычный звук.

— Иди домой.

Кайрен нахмурился.

— Что?

Торвен резко схватил его за плечо.

На мгновение Кайрен снова стал ребёнком.

Ему было восемь, и он сидел на крыше сарая рядом с Ореном во время Праздника семи огней. Внизу на площади взрослые жарили мясо, дети бегали с бумажными крыльями, а на северных склонах один за другим зажигались костры. По старому обычаю каждый огонь должен был напоминать о драконе, который когда-то сторожил долину.

— Если драконы были настоящими, почему никто их не видит? — спросил тогда Кайрен.

Орен долго смотрел на горы.

— Потому что люди путают отсутствие с исчезновением.

— Это одно и то же.

— Нет. Если дороги нет на карте, это не значит, что дороги нет. Иногда это значит, что картограф её не нашёл. Или не захотел рисовать.

— Кто не захочет рисовать дорогу?

— Тот, кто не хочет, чтобы по ней ходили.

Кайрену ответ показался загадочным исключительно ради загадочности. Он ещё не знал, что взрослые иногда говорят туманно не потому, что мудры, а потому что боятся закончить мысль.

Орен показал ему на самый высокий огонь.

— В старых песнях говорится, что северный дракон не

был царём и не был слугой. Он был сторожем.

— Чего?

— Хороший вопрос.

— Ты не знаешь?

— Пока нет.

Орен улыбнулся той особой улыбкой, которая означала, что именно поэтому он собирается искать ответ.

После исчезновения наставника праздник продолжали отмечать, но Кайрен больше не поднимался на крышу сарая. Семь огней превратились для него в обычай без смысла, как десятки других деревенских традиций.

Теперь, глядя на настоящего дракона, Кайрен вдруг вспомнил, что в последнюю осень перед исчезновением Орен зажжёт восьмой маленький огонь отдельно от остальных.

Тогда Торвен разозлился.

Они спорили возле склона так тихо, что Кайрен не услышал слов. Наутро дополнительный костёр был разобран, а Орен сказал, что просто ошибся.

Орен почти никогда не ошибался в счёте.

Кайрен смотрел на облака, за которыми исчезло огромное крыло, и чувствовал, как разрозненные воспоминания начинают собираться в новую картину.

Семь огней.

Восьмой, запрещённый.

Три дуги на карте.

Исчезновение наставника.

И существо, которое проснулось именно в тот вечер, когда над горами появилась безмолвная тень.

Если всё это было связано, Орен оставил гораздо больше следов, чем Кайрен понимал последние три года.

И, возможно, старая карта была не наследством.

Она была сообщением.

— Домой, парень. И сегодня ночью не ходи к горам.

В глазах охотника было то, чего Кайрен почти никогда у него не видел.

Страх.

Настоящий.

— Почему?

Торвен посмотрел на вершины.

— Потому что сегодня ночью там может случиться то, в чём тебе лучше не участвовать.

— Что именно?

— Если повезёт — ничего.

— А если нет?

Спуск к деревне обычно занимал меньше часа, но в этот вечер Кайрен шёл медленнее, чем мог бы ожидать от человека, который только что увидел дракона.

Не страх тормозил его.

Он пытался запомнить небо.

Где именно существо вышло из облаков? Под каким углом двигалось? Как далеко находилось от Чёрного пика? Он несколько раз останавливался, оглядывался и мысленно про-

водил линии между знакомыми вершинами. Если бы рядом был Орен, тот обязательно заставил бы его нанести наблюдение на карту прежде, чем позволил рассказывать историю в трактире.

Кайрен достал карандаш на ходу.

Руки дрожали, поэтому первая линия получилась кривой.

Он стёр её рукавом.

Вторая легла точнее.

Между северным перевалом и Чёрным пиком он поставил маленький знак крыла.

Потом задумался и приписал время.

Солнце только коснулось хребта. Значит, чуть после шестого вечернего колокола.

В этот момент Кайрен понял, что делает, и рассмеялся сам над собой.

Он только что увидел существо из легенд и вместо того, чтобы бежать домой, измерял его маршрут.

Смех быстро прекратился.

На карте линия полёта дракона пересекала старый знак трёх дуг почти точно.

Кайрен нахмурился.

Он ещё не понимал значения совпадения, но уже знал, что вернётся к нему.

Старик не ответил.

И именно в этот момент над деревней погас свет.

Не лампы.

Небо.

Люди одновременно подняли головы.

Над ними двигалась огромная тень. Она шла выше облаков и на несколько мгновений закрыла собой звёзды.

Кайрен сначала подумал о драконе. Но почти сразу понял, что ошибся.

У тени не было крыльев. Никакого движения. Форма была слишком ровной, слишком правильной. На нижней стороне горели три бледных огня — не огонь факелов, не свет фонарей. Холодные неподвижные точки.

Кто-то опустил на колени. Женщина возле кузницы начала шептать молитву. Ребёнок заплакал.

Объект прошёл прямо над деревней.

Без звука.

Без ветра.

А затем исчез за облаками.

Торвен снял руку с плеча Кайрена.

— Этого не должно было случиться, — прошептал он.

— Что?

Старик будто только сейчас понял, что произнёс слова вслух.

— Ничего.

— Вы знаете, что это было.

— Домой.

С гор снова донёсся рёв.

На этот раз он звучал иначе.

Не как пробуждение.

Как ответ.

Кайрен посмотрел на вершины и впервые подумал, что дракон мог проснуться не сам.

Возможно, его разбудило то, что пришло с неба.

На площади никто не хотел первым признать, что видел одно и то же.

Кузнец Рем говорил слишком громко, убеждая соседа, что тень была редким облачным явлением. Его жена стояла рядом и молчала; Кайрен видел, как она сжимает на груди старый деревянный оберег. Двое мальчишек спорили, был ли предмет длиннее колокольни в десять раз или в двадцать. Пастух Невар клялся, что его овцы легли на землю ещё за минуту до появления тени.

Старики вели себя хуже молодых.

Они не спорили.

Они переглядывались.

Кайрен заметил это только теперь.

Торвен был не единственным, кто чего-то боялся заранее.

У двери трактира стояла старая Мейра, которая помнила половину жителей ещё детьми. Когда объект исчез, она прошептала слово, которого Кайрен раньше не слышал.

— Возвращатели.

— Что? — спросил он.

Женщина сразу посмотрела на него так, будто сказала лишнее.

— Ничего.

— Вы сказали «возвращатели».

— Я старая. Старые люди болтают глупости.

— А Торвен тоже старый?

Мейра едва заметно улыбнулась.

— Торвен родился старым.

Она ушла в трактир и закрыла за собой дверь.

Кайрен остался на площади почти один.

Дома вокруг постепенно закрывались. Щёлкали ставни, задвигались тяжёлые засовы. Деревня будто пыталась стать меньше и незаметнее.

Он медленно пошёл к дому, но у старой колокольни остановился.

На каменной стене был вырезан дракон.

Кайрен видел изображение каждый день и никогда не обращал внимания. Оно было грубым, почти детским: вытянутое тело, два крыла, круг вместо глаза.

Сегодня одна деталь бросилась в глаза.

Под драконом находились три дуги.

Кайрен провёл пальцами по старому камню.

Точка в центре была почти стёрта.

— Нет, — тихо сказал он.

Символ оказался не только на карте.

Колокольню построили задолго до деревни. Никто точно не знал кем. По легенде, первые поселенцы нашли её уже стоящей на берегу и просто возвели дома вокруг.

Кайрен обошёл стену.

На северной стороне был второй рельеф — семь маленьких углублений по кругу.

В детстве они забивали туда цветные камешки во время Праздника семи огней.

Он всегда считал это украшением.

Теперь семь точек выглядели слишком знакомо.

— Ты поздно начал смотреть.

Кайрен резко обернулся.

Торвен стоял у дорожки.

— Это тоже знали?

Старик подошёл к стене.

— Видел.

— И ничего не сказал.

— Что я должен был сказать? Что детский праздник, возможно, старше королевства? Что драконы могут быть настоящими? Ты бы поверил?

— Нет.

— Вот именно.

Кайрен указал на символ.

— Орен заметил?

Торвен посмотрел на него.

— Он заметил всё.

— Поэтому ушёл на север?

— Иди домой, Кайрен.

— Вы снова уходите от ответа.

— Потому что ответ может повести тебя туда же.

— Я уже иду.

Торвен закрыл глаза.

— Знаю.

В этот момент Кайрен окончательно понял: старик не пытается остановить его потому, что считает любопытным мальчишкой.

Торвен уже однажды видел, как человек пошёл по этой дороге.

И не вернулся.

— Если завтра я всё равно уйду, — сказал Кайрен, — дайте хотя бы один полезный совет.

Старик долго смотрел на север.

— Не доверяй тишине.

— Что это значит?

— Поймёшь, если понадобится.

Торвен ушёл.

Кайрен ещё раз коснулся семи углублений.

Потом заметил восьмое.

Маленькое. Почти полностью залитое старым раствором.

Он наклонился ближе.

Кто-то когда-то намеренно спрятал его.

Кайрен почувствовал неприятный холод.

Восемь точек.

На карте — три дуги.

Дракон над горами.

Чёрный объект в небе.

Это уже не было набором случайностей.

Просто Кайрен пока не видел всей карты.

Кайрен повернулся к охотнику.

— Что такое возвращатели?

Торвен мгновенно напрягся.

— Откуда ты слышал это слово?

— Значит, оно что-то значит.

— Значит только то, что тебе пора домой.

— Орен знал?

Вопрос попал точнее, чем Кайрен ожидал.

Торвен отвёл взгляд.

Несколько секунд они стояли друг напротив друга, и шум площади словно отдалился.

— Что он нашёл на севере? — спросил Кайрен.

— Не знаю.

— Врёте.

— Да.

Признание прозвучало настолько просто, что Кайрен растерялся.

Торвен тяжело выдохнул.

— Иногда ложь — единственное, что старик может дать мальчишке вместо могилы.

— Мне уже не десять лет.

— Именно это меня и беспокоит.

Он ушёл, не добавив ни слова.

Кайрен смотрел ему вслед и впервые чувствовал не только тревогу, но и злость. Все вокруг словно знали куски истории его собственной жизни — историю Орена, старой карты, северных гор — и решили, что лучше оставить его последним человеком, которому положено узнать правду.

Это решение ему не понравилось.

Люди постепенно расходились. Кто-то уже убеждал соседей, что видел всего лишь необычное облако. Кто-то спорил о знамениях. Кайрен остался у края площади.

Он достал карту.

Чернильная клякса испортила часть перевала. При свете фонаря Кайрен развернул лист шире и заметил в правом верхнем углу маленький знак, который видел сотни раз и всегда принимал за дефект копии.

Три тонкие дуги.

Точка между ними.

Знак находился точно в той части гор, где появился дракон.

Кайрен провёл пальцем по символу.

Случайность.

Наверняка.

Но чем дольше он смотрел, тем меньше в это верил.

Он свернул карту.

Завтра он снова пойдёт в горы.

Несмотря на предупреждение Торвена.

Несмотря на дракона.

Дом встретил его привычным запахом дерева, сухих трав и старой бумаги.

После площади тишина внутри казалась почти искусственной.

Кайрен зажёл две свечи, поставил карту на стол и долго смотрел на чёрную кляксу, испортившую перевал.

Мелочь.

Обычная неприятность.

Ещё утром именно она расстроила бы его больше всего за день.

Теперь казалось нелепым злиться на чернила после того, как над деревней прошёл объект размером с квартал.

Он попытался поест, но хлеб застревал во рту. В итоге Кайрен отложил тарелку и достал из шкафа вещи Орена.

Старый футляр наставника всё ещё пах табаком, хотя прошло три года.

Кайрен нашёл один из его листов с заметками о северных легендах. Среди названий рек и вершин стояла строка:

«Когда немая звезда закроет небо, Первый Страж ответит из камня».

Кайрен перечитал её.

Немая звезда.

Объект прошёл совершенно бесшумно.

Первый Страж.

Дракон ответил рёвом.

Он сказал себе, что старые песни всегда можно подогнать

под события, если очень захотеть. Люди веками находили пророчества там, где было достаточно туманных слов.

Но Орен подчёркнул строку дважды.

А рядом нарисовал три дуги и точку.

Кайрен медленно сел.

Впервые за вечер ему стало страшно не из-за увиденного в небе.

Ему стало страшно от мысли, что Орен знал: однажды это произойдёт.

Несмотря на то, что пришло с неба.

Потому что карты не лгали.

А эта карта слишком долго пыталась что-то ему показать.

Перед сном Кайрен всё-таки вышел во двор.

Деревня лежала в темноте. Почти во всех домах погасили лампы, хотя обычно люди не ложились настолько рано. Даже трактир закрыл ставни.

Горы на севере были едва видны.

Кайрен стоял, пока глаза не привыкли к темноте.

Ничего.

Потом на вершине Чёрного пика появилась слабая точка синего света.

Она не двигалась.

Горела три удара сердца.

Исчезла.

На площади снова стало тихо.

Но это была уже не прежняя тишина.

До появления тени люди просто не знали, что происходит. Теперь каждый знал достаточно, чтобы бояться по-своему.

Кузнец Радан первым заговорил о том, что нужно отправить гонца в гарнизон. Мерт предложил запереть северную дорогу. Нера сказала, что если дракон захотел бы войти в деревню, никакая цепь на дороге его не остановила бы.

Кто-то предложил звонить в старый колокол.

Торвен резко запретил.

— Почему? — спросил Кайрен.

Старик замер.

— Потому что он треснут.

— Тридцать лет треснут и никому не мешал.

Торвен посмотрел на колокольню.

— Сегодня мешает.

Кайрен запомнил ещё одну странность.

Он вообще начал мысленно составлять их список.

Дракон.

Тень.

Знак на карте.

Знак на колокольне.

Шрам Торвена.

Запрет звонить.

Если это была карта, точек становилось слишком много.

Когда он наконец ушёл домой, в окнах ещё долго горел свет. Кайрен сел у стола, развернул карту Орена и впервые за три года положил рядом пустой лист.

Не для маршрута.

Для вопросов.

Вверху написал:

«Что разбудило дракона?»

Ниже:

«Что прошло над деревней?»

Потом:

«Почему Торвен знает знак?»

И последним:

«Куда на самом деле ушёл Орен?»

Он смотрел на список, пока чернила не высохли.

Потом услышал далёкий рёв.

На этот раз всего один.

Кайрен дописал ещё одну строку:

«Почему мне кажется, что ответы связаны?»

Кайрен не успел решить, видел ли её на самом деле, когда издалека донёсся звук.

Не рёв.

Один низкий удар, словно где-то глубоко под землёй закрылось что-то огромное.

Он вернулся в дом и запер дверь.

Но этой ночью впервые подумал, что двери вообще могут быть придуманы только для тех опасностей, которые человек способен понять.

ГЛАВА 2

ЧЁРНЫЙ ОСКОЛОК

Кайрен не спал почти всю ночь.

Он лежал на узкой кровати у окна и смотрел, как по потолку медленно ползёт лунный свет. Дом давно затих. Внизу потрескивали угли в печи. За стеной поскрипывала балка — обычные звуки, которые раньше успокаивали.

Сегодня каждый из них заставлял прислушиваться.

В памяти снова появлялась тень, закрывшая небо.

Потом крыло дракона.

Потом лицо Торвена и фраза: «Этого не должно было случиться».

Кайрен переворачивался с боку на бок, пока наконец под утро сон не оказался сильнее тревоги.

Он увидел долину.

Не свою.

Ни одного знакомого дома. Ни дорог. Только каменные башни странной формы и лес, горевший у подножия гор. Над долиной висели чёрные конструкции. Между ними летели драконы.

Один из них резко повернул голову.

Золотой глаз посмотрел прямо на Кайрена.

Он проснулся от сильного стука в дверь.

Торвен стоял на пороге. Волосы и борода были влажными от утреннего тумана.

— Ночью был обвал.

Кайрен сразу сел ровнее.

— Северный склон?

Торвен прищурился.

До рассвета Кайрен несколько раз вставал, подходил к окну и проверял горы, хотя из его комнаты была видна только узкая тёмная полоса хребта между крышами.

Один раз он заметил свет.

Очень далеко.

Короткую синюю вспышку там, где не было ни дома, ни сторожевой башни.

Она возникла и сразу исчезла.

Кайрен долго стоял у стекла, ожидая повторения, но горы оставались чёрными.

На столе лежала старая карта Орена.

Он развернул её снова и внимательно осмотрел края. Бумага была многократно чинена: в одном месте тонкая ткань подклеивала разрыв, в другом чернила разных лет перекрывали друг друга. Теперь Кайрен заметил, что знак трёх дуг был нанесён не той рукой, которой Орен обычно делал пометки.

Линии были почти идеальными.

Не нарисованными — будто вдавленными в бумагу.

Кайрен провёл ногтем по поверхности и почувствовал ед-

ва заметную бороздку.

На обороте ничего не было.

Он попытался скопировать знак на чистый лист. Получилось похоже, но не одинаково. Как ни странно, самая простая часть — точка в центре — всё время оказывалась чуть смещённой.

«Потому что ты ищешь симметрию там, где её нет», — сказал бы Орен.

Наставник любил повторять, что глаз слишком часто видит то, что хочет увидеть.

Кайрен отложил карандаш.

Если бы Орен был здесь, он наверняка запретил бы ему идти к обвалу.

А потом сам пошёл бы первым.

Эта мысль окончательно решила вопрос.

— Откуда знаешь?

— Догадываюсь.

Старик вошёл и прикрыл дверь.

— Сегодня туда не ходи.

— Почему?

— Потому что я прошу.

Это было необычно. Торвен редко просил. Он говорил, приказывал, иногда ругался, но просьбы оставлял для вещей, которые считал слишком серьёзными для спора.

— Что там?

— Камни.

— И всё?

Торвен долго смотрел на него.

— Кайрен, есть разница между любопытством и глупостью.

— А если я уже выбрал?

Старик тихо выругался.

Торвен не ушёл сразу после разговора.

Он стоял у окна, глядя на горы, и будто спорил сам с собой.

— Что? — спросил Кайрен.

Старик провёл ладонью по бороде.

— Если увидишь в камне что-то слишком ровное, не трогай.

— Это очень конкретное предупреждение для человека, который якобы ничего не знает.

— Если услышишь голос — тоже не отвечай.

— Какой голос?

— Любой, которого там быть не должно.

Кайрен скрестил руки.

— Вы были там с Ореном.

Торвен посмотрел на него.

Несколько секунд казалось, что он наконец скажет правду.

— Мы были много где.

— Это не ответ.

— Это всё, что получишь.

Он открыл дверь.

— И ещё одно. Если увидишь чёрный металл — уходи.
Кайрен застыл у двери.

— Какой металл?

Торвен уже отвернулся.

— Чёрный.

— Это я услышал. Откуда вы знаете, что я могу его увидеть?

Старик поправил ремень охотничьей сумки.

— Потому что север любит повторяться.

— Торвен.

— Не сегодня.

— Вы всё время говорите «не сегодня». Когда будет сегодня?

Охотник посмотрел на него так устало, что Кайрен впервые увидел не человека, который что-то скрывает, а старика, слишком долго носившего это знание один.

— Когда у меня будет выбор, — сказал Торвен. — Или когда его уже не останется.

Он ушёл.

Кайрен простоял на пороге ещё минуту.

Потом поднялся в комнату и достал карту Орена.

Он искал не знак — его уже видел. Теперь Кайрен проверял поля. Орен никогда не оставлял пустого места просто так. Если маршрут был опасен, рядом появлялась короткая пометка. Если дорога менялась по сезону — две. Если наставник сомневался в источнике, ставил маленькую косую

черту над названием.

Возле северного склона ничего не было.

Это беспокоило сильнее предупреждения.

Кайрен достал увеличительное стекло и поднёс карту к окну.

Бумага была старой, местами почти прозрачной. На свету проступили следы стёртых слов.

Кто-то когда-то тщательно соскоблил чернила.

Не время.

Не случайность.

Предупреждение.

Кайрен попытался разобрать остатки букв. Получилось только два фрагмента: «...мет...» и «...не кас...».

Он опустил карту.

— Очень полезно, Орен.

Наставник, конечно, не ответил.

Кайрен вспомнил последний разговор с ним.

Орен собирался на север перед самым рассветом. Кайрену было шестнадцать, и он злился, что наставник отказался взять его с собой.

— Ты говоришь, что я должен проверять собственные карты, а сам не позволяешь проверить эту дорогу.

Орен застёгивал рюкзак и не смотрел на него.

— Потому что некоторые ошибки полезнее сделать одному.

— Это вообще не имеет смысла.

— Надеюсь, и не будет.

Через неделю Торвен нашёл пустой рюкзак.

Теперь Кайрен понял: Орен не собирался проверять дорогу.

Он искал что-то.

И знал о чёрном металле.

Этой мысли хватило, чтобы решение окончательно оформилось.

Кайрен собрал верёвку, два крюка, фонарь, запас масла и маленький молоток. Потом, подумав, добавил кусок плотной шерстяной ткани.

Если Торвен был прав, голой рукой он неизвестную вещь трогать не собирался.

Он задержался у двери дома.

Можно было остаться.

Это был разумный выбор.

Сходить к Торвену ещё раз. Потребовать объяснений. Дождаться людей из ближайшего гарнизона. Вообще сделать что-нибудь, что делал бы нормальный человек после появления дракона и чёрного объекта в небе.

Но Орен исчез на этом маршруте.

А карта, оставшаяся после него, впервые за три года начала отвечать на вопросы.

Кайрен вышел.

На площади было непривычно пусто. Несколько дверей закрылись, когда он прошёл мимо. Люди заметили верёвку

и фонарь.

Нера, торговка травами, сидела у своего дома и сортировала высушенные корни.

— Куда собрался?

— Прогуляться.

— С крюками?

— Там скользко.

Старуха фыркнула.

— Орен врал лучше.

Кайрен остановился.

— Вы знали, куда он ходил?

Нера на секунду перестала перебирать травы.

— Все знали, куда он ушёл. Никто не знал зачем.

— А Торвен?

— Торвен знает слишком много и говорит слишком мало.

Это у него вместо хобби.

Она протянула Кайрену небольшой кожаный мешочек.

— Возьми.

— Что это?

— Соль, железная стружка, сушёная рябина.

— От драконов?

— От моего спокойствия. Если вернёшься, скажешь, что помогло.

Кайрен хотел отказаться, но передумал и убрал мешочек в карман.

— Спасибо.

— Не благодари. Лучше вернись.

Он вышел из деревни и почувствовал, что несколько человек смотрят ему вслед.

Северный склон казался обычным.

Именно это было самым тревожным.

Кайрен замер.

— Какой металл?

Но Торвен уже вышел.

После этого остаться дома было невозможно.

— Тогда хотя бы возьми верёвку.

Через час Кайрен поднимался к северному склону.

Он говорил себе, что идёт проверить карту. Что знак находился рядом с местом обвала и картограф обязан проверить совпадение. Это звучало убедительнее, чем правда.

Правда была проще: он не мог не пойти.

После ночного обвала склон изменился. Там, где вчера тянулась непрерывная скальная стена, теперь зияла узкая тёмная щель. Свежая земля была почти чёрной. Воздух рядом с разломом пах не сыростью, а холодным металлом.

Кайрен привязал верёвку к выступу, зажёл фонарь и полез внутрь.

Пещера оказалась короткой. Через несколько шагов впереди блеснуло что-то чёрное.

Предмет лежал между камнями.

Размером с ладонь. Гладкий. Матовый. Ни одной царапины.

Кайрен присел.

— Вот из-за тебя всё это?

Он попробовал подцепить предмет ножом. Сталь скользнула по поверхности, не оставив следа. Тогда Кайрен осторожно коснулся его пальцами.

Мир исчез.

Подъём занял больше времени, чем обычно.

Обвал не просто открыл пещеру — он изменил весь склон. Несколько старых ориентиров исчезли. Каменная «голова великана», возле которой Кайрен всегда сворачивал к ручью, раскололась пополам. Узкая полка над оврагом была завалена щебнем.

Кайрен несколько раз останавливался и делал быстрые пометки.

Привычка оказалась сильнее страха.

«Северная тропа после обвала непроходима для телеги. Пешком — осторожно. Возможен повторный сход камней».

Он уже убрал карандаш, когда заметил следы на противоположной стороне осыпи.

Не человеческие.

Три глубокие борозды в камне, каждая шире ладони.

Когти.

След был свежим: края ещё не успели припорошить пылью.

Кайрен присел.

Если дракон действительно коснулся здесь земли, то его

лапа должна была быть размером с небольшую комнату.

Глупая деталь, но именно она сделала увиденное вчера окончательно реальным.

Дракон не был далёким силуэтом, который можно потом объяснить усталостью.

Он был здесь.

На этом камне.

Кайрен поднялся и оглянулся на долину.

Впервые ему пришла простая мысль: вернуться.

Не потому, что Торвен приказал.

Потому что здравый смысл наконец догнал его.

И в этот момент из щели донёсся едва слышный звук.

Не рёв.

Скорее тонкий металлический звон.

Три коротких удара.

Пауза.

Ещё три.

Кайрен посмотрел на тёмный вход.

— Вот именно так люди и умирают в старых историях, — сказал он сам себе.

И полез внутрь.

Не пещера. Не камни.

Звук.

Капли воды замерли в полной тишине. Кайрен не слышал даже собственного дыхания.

По поверхности предмета прошла тонкая синяя линия.

Потом вспыхнул знак.

Три дуги.

Точка.

Кайрен выронил находку.

Звук вернулся сразу.

Он отшатнулся к стене и несколько секунд просто дышал.

Осколок лежал на полу и снова выглядел мёртвым.

— Значит, это точно не камень, — пробормотал Кайрен.

Он завернул предмет в ткань и убрал в сумку.

Когда Кайрен выбрался наружу, солнце уже поднялось выше. На обратной дороге он заметил следы.

У входа в разлом Кайрен нашёл ещё кое-что.

Маленький кусок ткани, зажатый между камнями.

Тёмно-синий.

Он осторожно вытянул его.

На краю сохранился вышитый белой нитью символ — половина круга и короткая черта.

Кайрен знал этот знак.

Орен ставил его на своих дорожных сумках.

На секунду воздух перестал поступать в лёгкие.

Ткань могла лежать здесь три года. В сухой расщелине это было возможно.

Но край не выглядел старым.

Кайрен сжал находку в ладони.

Значит, наставник действительно был здесь.

Не просто проходил по северной тропе.

Стоял у этого разлома.

Возможно, вход тогда был закрыт.

Возможно, именно это место он искал перед исчезновением.

Кайрен убрал ткань в карман.

Теперь поход перестал быть простым любопытством.

Если внутри существовал хотя бы один след Орена, он собирался его найти.

Три человека.

Следы шли цепочкой, слишком ровно для случайных путников.

Кайрен присел и измерил расстояние между отпечатками.

Одинаковое.

Люди двигались быстро, но не бежали.

Один из них был тяжелее остальных. Второй почти не оставлял следа на рыхлом снегу. Третий шёл чуть левее — привычка человека, который привык держать руку на оружии.

Орен учил читать дорогу как текст.

Кайрен тогда смеялся: «У земли плохой почерк».

Теперь плохой почерк говорил больше, чем половина деревни.

Следы остановились у края обвала.

Там один человек стоял долго.

Кайрен увидел глубокие отпечатки каблуков и круг, проведённый носком сапога вокруг камня.

Они искали не пещеру.

Они знали приблизительное место.

Это означало карту.

Или инструкцию.

Кайрен поднял голову.

На противоположной скале был вырезан знак — настолько стёртый, что заметить его можно только под определённым углом.

Три дуги.

Незнакомцы пришли по метке.

Кайрен достал свою карту.

Знак на бумаге совпал по направлению.

Его наставник и эти люди пользовались одной системой ориентиров.

Мысль была хуже, чем если бы незнакомцы просто случайно нашли пещеру.

Кто-то ещё умел читать мёртвую карту.

И, судя по свежести следов, этот кто-то уже знал, что Кайрен поднял осколок.

Свежие.

Отпечатки шли к обвалу.

Кайрен присел. Сапоги дорогие, городской работы. Такие не носили ни охотники, ни пастухи.

Выше на дороге мелькнула фигура в чёрном плаще.

— Эй!

Фигура исчезла за поворотом.

Кайрен ускорил шаг, но никого не нашёл.

В глубине разлома Кайрен обнаружил место, которое окончательно убедило его: пещера была только оболочкой.

Каменная стена обрывалась идеально прямой линией. За ней начиналась поверхность, похожая на металл, но без ржавчины и швов. Кайрен поднёс фонарь — свет не отражался обычным бликом. Он словно растекался по чёрному материалу тонким мутным пятном и постепенно исчезал.

На высоте груди находилась ниша размером с ладонь.

Пустая.

Форма совпадала с осколком.

Кайрен достал находку из сумки.

Несколько секунд держал рядом, не вставляя.

— Нет, — сказал он сам себе.

Орен учил: если не понимаешь механизм, первым делом не трогай единственную деталь, которая явно подходит в отверстие.

Это было хорошее правило.

Кайрен убрал ключ.

И слышал шаг.

Снаружи.

Кто-то вошёл в разлом.

Он мгновенно погасил фонарь.

Темнота стала абсолютной.

Кайрен прижался к холодной стене. Из прохода донёсся едва слышный шорох одежды. Потом вспыхнул слабый крас-

новатый свет — не факел.

Человек двигался уверенно, без попыток нащупывать стены.

Значит, либо прекрасно видел в темноте, либо уже знал это место.

Кайрен медленно достал нож.

Смешное оружие против того, кто следил за ним, но ничего лучше не было.

Шаги остановились в нескольких метрах.

— Здесь был кто-то, — сказал мужской голос.

Другой ответил дальше от входа:

— Следы свежие.

Кайрен узнал язык, но акцент был столичный.

— Нашёл ключ?

— Если бы нашёл, мы бы увидели сигнал.

Кайрен почувствовал, как предмет в сумке становится тёплым.

Нет.

Только не сейчас.

Синяя линия просочилась через ткань.

Человек в темноте резко повернул голову.

Кайрен не стал ждать.

Он бросил в противоположную сторону камень. Звук ударил о стену. Незнакомец мгновенно рванул туда.

Кайрен выскочил из укрытия, проскользнул мимо и побежал к выходу.

Кто-то попытался схватить его за куртку. Ткань треснула.
Солнечный свет ударил в глаза.

Кайрен скатился по осыпи, несколько раз ударился о камни, поднялся и не остановился до самой тропы.

Только там он обернулся.

У входа в пещеру стоял мужчина в чёрном плаще.

Он не преследовал.

Просто смотрел.

Даже с расстояния Кайрен увидел улыбку.

И понял, что побег, возможно, разрешили намеренно.

Эта мысль была гораздо хуже погони.

Он вернулся домой с неприятным ощущением, что дорога обратно была не его собственным выбором, а частью чего-то, что уже началось до него.

На столе Кайрен разложил старую карту.

Осколок положил рядом.

Символы совпадали.

Чем глубже он проходил, тем меньше пещера казалась естественной.

Первые метры были обычными: влажный камень, острые сколы, земля под ногами. Потом стены стали слишком ровными.

Кайрен провёл ладонью по поверхности.

Камень был отполирован так гладко, как не смог бы сделать ни один горный поток. На уровне плеча тянулась едва заметная канавка, совершенно прямая.

Он поднёс фонарь ближе.

Нет.

Не канавка.

Стык.

Будто часть скалы закрывала что-то построенное внутри горы.

Кайрен почувствовал, как по спине проходит холод.

Орен говорил о «неправильных пещерах». В одном из его старых блокнотов были зарисовки стен, которые слишком хорошо держали угол, и отверстий, не похожих на шахты. Кайрен считал, что наставник преувеличивал старые руины, найденные в скале.

Теперь он пожалел, что не читал те записи внимательнее.

Чёрный предмет лежал дальше, между обломками, словно его выбросило из скрытой стены во время обвала.

Когда Кайрен коснулся его, тишина, которая накрыла мир, была страшнее любого крика.

На одно мгновение в этой тишине он почувствовал ещё кое-что.

Не услышал.

Почувствовал.

Направление.

Кайрен разложил на столе три листа и начал делать то, что умел лучше всего: превращать страх в линии.

Первый лист — обычная карта северного склона.

Второй — копия карты Орена.

На третьем он отметил место обвала, направление следов незнакомцев и точку, где впервые увидел чёрную фигуру.

Линии пересеклись возле старого тракта, который уже сорок лет считался непроходимым из-за камнепада.

Кайрен нахмурился.

Если незнакомцы пришли оттуда, значит, дорога была не такой мёртвой, как считали местные.

Он добавил направление движения объекта в небе.

Тень прошла с юго-запада на северо-восток.

Почти точно к Чёрному пику.

Дракон появился там же.

— Ты отвечал ему, — прошептал Кайрен, сам не понимая, к кому обращается: к дракону или кораблю.

Осколок лежал рядом.

Он взял тонкий лист бумаги, положил поверх артефакта и провёл углём.

Ничего.

Попробовал снять размеры.

Длина — чуть меньше ладони.

Ширина менялась на разных участках, будто предмет был обломан не механически, а расплавлен.

На одном краю Кайрен заметил крошечные выемки.

Семь.

И восьмую, более глубокую.

Он замер.

Колокольня.

Семь открытых точек и одна скрытая.

Кайрен достал отдельный лист и срисовал форму.

Осколок внезапно потеплел.

На его поверхности появилась синяя линия.

Она повторила рисунок Кайрена.

Потом добавила то, чего он не нарисовал.

Ещё одну часть формы.

Кайрен понял.

Осколок был частью большего предмета.

Ключа, хотя он ещё не знал этого слова.

В воздухе на мгновение появилось изображение целого устройства — кольцо из нескольких чёрных сегментов.

Один отсутствовал.

Именно тот, который лежал на столе.

Изображение исчезло.

Кайрен быстро зарисовал увиденное.

В нижнем углу поставил дату.

Потом, по привычке Орена, написал:

«Источник неизвестен. Проверить до доверия».

Он посмотрел на фразу и усмехнулся.

Наставник бы одобрил.

Снаружи раздались шаги.

Кайрен накрыл осколок тканью.

Шаги остановились возле дома.

Не постучали.

Через несколько секунд ушли.

Кайрен подошёл к окну.

На снегу не осталось следов.

И тогда он вспомнил совет Торвена.

Не доверяй тишине.

Вниз.

Глубоко под ним.

Будто осколок знал, что под горой есть продолжение.

И будто это продолжение знало, что осколок снова оказался в чьей-то руке.

Теперь он заметил ещё одну деталь: от знака на карте уходила почти невидимая линия. Не дорога. Слишком ровная. Она уходила к северному хребту и обрывалась возле отметки, которой не было на современных картах.

Кайрен провёл пальцем по линии.

Осколок вспыхнул.

Всего на мгновение.

Но этого хватило.

Кайрен увидел чужое воспоминание.

Огромное крыло рассекало дым.

Внизу горела земля.

После вспышки Кайрен заставил себя не хватать осколок снова.

Он сел на камень и несколько минут просто смотрел на него.

Предмет лежал совершенно неподвижно, будто ничего не произошло.

— Хороший трюк, — сказал Кайрен. — А теперь объясни. Тишина.

Он поднял фонарь и осмотрел нишу, где лежал осколок.

Под обломками обнаружилась узкая пластина того же чёрного материала. На ней были вырезаны символы. Большинство Кайрен не понимал, но один совпадал со знаком на карте.

Чуть ниже шли семь коротких насечек.

Одна светилась едва заметным синим.

Кайрен зарисовал их.

Когда он закончил, свет погас.

В глубине стены что-то щёлкнуло.

Он вспомнил предупреждение Торвена: «если услышишь голос — не отвечай».

Голоса не было.

Но из-за чёрной пластины донёсся едва различимый шум — словно огромный механизм попытался запуститься и не смог.

Кайрен решил, что на сегодня любопытства достаточно.

Над горизонтом висел чёрный корабль.

Потом — золотой глаз.

Тот же, что во сне.

Воспоминание оборвалось.

Кайрен отдёрнул руку.

В комнате стало тихо.

Он уже не мог убеждать себя, что всё это случайность.

Где-то глубоко в горах что-то открыло глаза.

Дома Кайрен первым делом запер дверь.

Потом почувствовал себя глупо: если неизвестные в чёрных плащах действительно следовали за ним по горам, деревянный засов вряд ли был серьёзным препятствием.

Он всё равно проверил его дважды.

Осколок лежал на столе.

При дневном свете он выглядел ещё страннее. Чёрная поверхность не отражала комнату, но слабый свет будто уходил в неё, а не падал сверху. Кайрен поднёс к предмету иглу компаса.

Стрелка дрогнула.

Повернулась на север.

Потом к осколку.

Потом начала медленно вращаться.

— Орен бы радовался, — пробормотал Кайрен. — Я — нет.

Он достал из шкафа коробку с вещами наставника. Торвен передал её ему после исчезновения Орена: два блокнота, сломанная линейка, кожаный футляр, кусок мела и несколько листов с черновыми маршрутами.

Кайрен давно просматривал их, но теперь искал конкретное.

Нашёл на последней странице второго блокнота.

Тот же знак.

Рядом всего три слова:

«Не дверь. Ключ».

И ниже, другой рукой или в сильной спешке:

«Если проснётся — не неси в город».

Кайрен перечитал запись несколько раз.

Снаружи кто-то прошёл по улице.

Он мгновенно закрыл блокнот.

Шаги остановились у его дома.

Потом двинулись дальше.

Кайрен снова открыл страницу.

Ключ.

Слово изменяло всё.

Осколок не был обломком неизвестной вещи.

Он был частью механизма.

А если существовал ключ, значит, где-то существовало то, что им открывали.

До вечера он несколько раз пытался найти Торвена.

Дом охотника был заперт.

В трактире его не видели.

У кузницы сказали, что старик ушёл к восточной дороге.

Кайрен не поверил.

Торвен не уходил из деревни после того, как увидел объект над небом. Скорее всего, он избегал разговора.

Это раздражало, но давало Кайрену время.

Он сравнил клочок ткани из пещеры с сохранившимся футляром Орена.

Нить совпадала.

Потом разложил перед собой три карты наставника разных лет.

На всех были странные линии, но только теперь Кайрен увидел систему.

Они не обозначали дороги.

Они словно соединяли определённые места: старый храм, разрушенную башню, северный склон, заброшенный каменный круг.

Кайрен поставил точки и провёл между ними прямые.

Получился фрагмент рисунка.

Какого именно — пока невозможно было понять.

Кайрен спрятал осколок под половицу.

Через минуту достал обратно.

Спрятал в сундук.

Тоже передумал.

Любое место в доме внезапно казалось очевидным для человека, который пришёл именно за этим предметом.

В конце концов он завернул осколок в старый плащ Орена и положил в сумку рядом с картой.

Решение было простым: если кто-то придёт, ключ уйдёт вместе с ним.

Кайрен почти усмехнулся.

Он уже называл предмет ключом, хотя никто не объяснял, к чему он подходит.

В дверь тихо постучали.

Кайрен замер.

— Кто?

— Я.

Голос Торвена.

Старик вошёл, не снимая шубы.

Его взгляд сразу нашёл сумку.

— Нашёл.

Не вопрос.

Кайрен не стал лгать.

— Да.

Торвен сел.

— Покажешь?

— Сначала вы.

— Что?

— Шрам.

Старик надолго замолчал.

Потом закатал рукав.

Три дуги были вырезаны неровно.

— Не настоящий знак, — сказал Кайрен.

— Нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы помнить форму.

— Где увидели?

Торвен опустил рукав.

— Двадцать пять лет назад. В месте, куда ты сегодня почти наверняка ходил.

Кайрен почувствовал, как сердце ускоряется.

— С Ореном?

Старик посмотрел на него.

И снова промолчал слишком долго.

— Завтра уходи из деревни, — сказал он наконец.

— Это не ответ.

— Нет. Это совет.

— Я устал от советов без причин.

Торвен поднялся.

— А я устал хоронить людей, которые требовали причины раньше, чем были готовы их услышать.

Он ушёл.

Кайрен остался один.

Осколок в сумке едва заметно засветился.

Словно слышал разговор.

В центре фрагмента находилась сегодняшняя пещера.

И маленький знак:

«Ключ».

Орен не просто знал о чёрном металле.

Он искал его.

ГЛАВА 3

СОН ЧУЖОЙ ПАМЯТИ

К вечеру осколок перестал казаться находкой.

Он лежал на столе, завёрнутый в плотную ткань, и Кайрен то и дело ловил себя на том, что смотрит в его сторону.

Будто предмет мог смотреть в ответ.

За окном деревня погрузилась в необычно раннюю тишину. Люди закрыли ставни задолго до темноты. На улице почти никто не разговаривал. Даже трактир сегодня работал тише обычного.

Кайрен разложил карты.

Три новые.

Одну старую.

Ту самую, которую когда-то оставил его наставник.

Символ трёх дуг находился в углу. Теперь он казался нарочно спрятанным среди обычных обозначений.

Кайрен подвинул к нему осколок.

Ничего.

— Ну давай, — сказал он. — Раз уж умеешь светиться, мог бы хотя бы объяснить зачем.

Осколок не ответил.

Кайрен усмехнулся и откинулся на стуле.

Карта дрогнула.

Он замер.

К вечеру Кайрен успел прочитать оба блокнота Орена почти целиком.

Большая часть записей оказалась обычной: цены на ночлег, отметки о мостах, предупреждения о разбойниках, зарисовки перевалов. Но чем ближе записи подходили к последним месяцам перед исчезновением наставника, тем чаще появлялись странности.

«Камень без следов обработки».

«Старая песня совпадает с маршрутом».

«Торвен знает больше, чем говорит».

Последняя запись заставила Кайрена остановиться.

Ниже Орен нарисовал семь маленьких кругов и соединил их линиями. Рядом написал: «Не звёзды. Узлы?»

Кайрен не понимал, что это значит.

Но одно слово уже встречалось в деревенских сказках. Старики иногда называли особенно древние места «узлами земли» — точками, где якобы сходились дороги духов. Кайрен всегда считал это деревенским названием перекрёстков.

Теперь уверенности не осталось.

Он перелистнул страницу.

Последняя фраза Орена была написана неровно:

«Если карта права, северная линия должна проснуться первой».

Кайрен посмотрел на осколок.

Красный свет после ночного визита исчез. Предмет снова

был чёрным.

— Ты и есть линия? — спросил он.

Никакой реакции.

— Или ключ?

Тишина.

— Или я разговариваю с куском металла.

Это казалось самым разумным вариантом.

На несколько секунд.

Окна были закрыты.

Осколок поднялся над столом на несколько сантиметров.

Синий свет заполнил комнату.

Кайрен вскочил.

И мир вокруг исчез.

Он летел.

Не чувствовал собственного тела. Только ветер под огромными крыльями. Земля внизу двигалась с невероятной скоростью.

Горела долина.

По ней бежали люди. Между ними двигались высокие фигуры в серебристой броне. Их лица скрывали гладкие маски без привычных черт.

Над полем висели чёрные корабли.

Один раскрыл нижнюю часть.

Белый луч ударил в землю.

Дракон, глазами которого смотрел Кайрен, взревел.

В деревне тем временем происходило что-то странное.

Кайрен заметил это, когда вышел за водой.

На улице стояли двое незнакомых торговцев, хотя ни одна повозка не входила в деревню с утра. Один разговаривал с кузнецом, второй рассматривал колокольню, будто сверял её высоту.

Оба были одеты слишком хорошо для горной дороги.

Когда Кайрен прошёл мимо, разговор прекратился.

Он не обернулся.

У колодца Мейра налила ему воду раньше, чем он попросил.

— Не спи сегодня у окна, — сказала она.

Кайрен посмотрел на старуху.

— Почему?

— Просто совет.

— В этой деревне все решили давать советы без объяснений?

— Объяснения иногда приходят вместе с тем, от чего должны защитить.

— Вы тоже знали Орена?

Она грустно улыбнулась.

— Здесь все знали Орена. Он слишком много спрашивал.

— И что он нашёл?

Мейра наклонилась ближе.

— Не знаю. Но за неделю до исчезновения он сказал мне: «Если вернутся люди, которые не едят за общим столом, спрячь детей».

Кайрен почувствовал холод.

— Какие люди?

Мейра уже отвернулась.

— Иди домой, Кайрен.

Второй раз за два дня эта фраза прозвучала не как совет.

Как прощание.

Ответили другие.

Небо заполнили крылья.

Картина сменилась так резко, что Кайрен едва успел понять переход.

Теперь перед ним была камера.

Человек лежал на металлической платформе. Руки закреплёны. По венам под кожей шёл синий свет.

Рядом стояло существо в серебристом костюме.

Голос прозвучал прямо внутри сознания Кайрена.

Адаптация линии успешна.

Другой голос ответил:

Световая нестабильность сохраняется.

— Что вы делаете? — попытался спросить Кайрен.

Никто его не слышал.

Изображение снова изменилось.

Раненый дракон лежал среди расколотых скал.

Перед ним стоял мужчина.

Тёмные волосы, усталое лицо, на груди знак трёх дуг.

Он положил ладонь на морду дракона.

Когда видение захватило его, Кайрен сначала пытался за-

поминать всё как картограф.

Расположение башен.

Форму долины.

Где находилась река.

Это было почти автоматической защитой от ужаса. Пока ты измеряешь, мир остаётся задачей.

Но задача быстро стала слишком большой.

Корабли висели на разной высоте, будто неподвижные чёрные острова. Между ними вспыхивали линии света. На земле двигались колонны существ в масках, и Кайрен заметил невозможную вещь: некоторые башни были не разрушены ими.

Они поднимались из земли по их команде.

В стороне драконы атаковали один из кораблей. Три огромных зверя били по его поверхности одновременно, но световая сеть обвила их крылья.

Кайрен почувствовал чужую боль.

Не как зритель.

Как будто сеть затянулась вокруг его собственных костей.

Потом взгляд резко изменился.

Он оказался внутри помещения.

Люди в прозрачных камерах.

Мужчины, женщины, подростки.

Некоторые спали. Другие били ладонями по прозрачным стенам.

На панелях рядом с ними горели символы.

Кайрен не умел читать этот язык, но отдельные смыслы проникали в сознание сами.

«Стабильность».

«Адаптация».

«Отбраковка».

Последнее слово испугало его больше всего.

Картинка перескочила.

Один из людей открыл глаза.

На мгновение они стали совершенно чёрными.

Запись оборвалась, прежде чем Кайрен успел понять, кого он видел.

А потом появился Эйран рядом с Архайром — и в ощущениях дракона внезапно возникло нечто совсем иное.

Доверие.

Не подчинение.

Мысль возникла в Кайрене не словами, а ощущением, будто чужое сознание на мгновение соприкоснулось с его собственным.

Дракон рядом с человеком не был приручён.

Человек рядом с драконом не был хозяином.

Между ними существовало что-то третье.

Соглашение.

Кайрен увидел ещё один фрагмент.

Эйран — теперь он почему-то знал имя мужчины, хотя никто его не произносил, — стоял на каменной площадке высоко над долиной. Ветер трепал его длинный плащ. Ар-

хайр сидел рядом, сложив крылья.

Внизу тренировались люди.

Некоторые держали ладони на головах молодых драконов. У кого-то ничего не происходило. Один юноша отшатнулся, будто получил удар. Девушка рядом с ним рассмеялась, а дракон раздражённо фыркнул дымом.

Эйран наблюдал за ними.

— Они думают, что главное — заставить дракона услышать, — сказал он.

Архайр повернул голову.

А что главное?

Кайрен услышал мысль дракона так ясно, словно она принадлежала ему.

— Уметь услышать в ответ.

Архайр издал звук, похожий на довольное ворчание.

Наконец ты понял.

Эйран усмехнулся.

— Мне понадобилось всего шесть лет.

Медленный ученик.

Видение было настолько спокойным, что Кайрен на мгновение забыл о горящих городах и кораблях.

Потом воздух изменился.

Архайр резко поднял голову.

На горизонте появился чёрный объект.

Смех внизу прекратился.

Эйран положил руку на чешую дракона.

— Они нашли нас.

Архайр расправил крылья.

Кайрен почувствовал эмоцию, которую раньше не связывал с драконом.

Не ярость.

Не страх.

Усталость.

Это происходило не впервые.

Картинка сорвалась.

Теперь Кайрен видел комнату Создателей.

На стене висели семь световых символов. Один был перечёркнут чёрной линией. Высокие фигуры спорили между собой на языке, которого Кайрен не понимал, но отдельные смыслы проникали в сознание.

Хранители нестабильны.

Неверно. Связь стабильна.

Субъекты отказываются выполнять принудительные команды.

Это недостаток.

Это ожидаемое свойство местного вида.

Кайрен увидел экран.

На нём Эйран и Архайр стояли рядом.

Один из Создателей коснулся панели.

Попытка прямого контроля.

На другом экране Архайр внезапно дёрнулся. Его крылья напряглись. Эйран упал на колени, схватившись за голову.

Создатель усилил сигнал.

Архайр заревел.

Не от боли.

От ярости.

И разбил устройство одним ударом хвоста.

Запись оборвалась.

Новая строка:

Прямой контроль драконьего вида невозможен.

Рекомендация: сохранить добровольную модель связи.

Кайрен почувствовал странное облегчение.

Даже тогда Создатели не смогли заставить драконов подчиняться.

Но за облегчением пришёл вопрос.

Почему он видел именно это?

Осколок не просто показывал историю. Он выбирал фрагменты.

Учил.

Или готовил.

К чему?

Перед ним возникла последняя сцена.

Эйран сидел один в тёмном помещении. В руках держал осколок, почти такой же, как у Кайрена.

— Если ты это видишь, — сказал он, глядя куда-то за пределы изображения, — значит, мы не смогли закончить.

Кайрен перестал дышать.

Эйран будто обращался прямо к нему.

— Не верь первому ответу, который даст система. Не верь тому, кто скажет, что сила даёт право выбирать. И если Архайр ещё жив...

Изображение задрожало.

— ...не проси его служить.

Запись исчезла.

Кайрен попытался удержать её.

— Подожди.

Синий свет потемнел.

— Что вы не смогли закончить?

Тишина.

— Кто такие «они»?

Вместо ответа появился золотой глаз Архайра.

И на этот раз Кайрен почувствовал, что дракон смотрит не на прошлое.

Он смотрит на него сейчас.

Не страх.

Доверие настолько старое и прочное, что оно пережило человека, который его заслужил.

— Архайр.

Кайрен услышал имя отчётливо.

Дракон открыл золотой глаз.

И посмотрел не на мужчину.

На Кайрена.

Ты опоздал.

Слова не прозвучали обвинением.

Скорее констатацией, от которой стало ещё тяжелее.

Кайрен попытался спросить: «Куда?»

Видение ответило новой сценой.

Ночь. Город Хранителей. Узкие каменные улицы, по которым люди бегут к башням. Над крышами вспыхивают сигнальные огни. В небе нет кораблей — пока.

Эйран стоит на площади перед несколькими десятками людей.

— Мы потеряли восточный узел, — говорит кто-то.

— Нет, — отвечает Эйран. — Мы потеряли возможность управлять им.

— Какая разница?

— Огромная. Узел всё ещё существует. Значит, однажды его можно вернуть.

Другой мужчина бросает на стол металлическую пластину.

— Они начали процедуру оценки. Если позволим завершить, выберут одну линию. Остальные уничтожат.

— Тогда надо сделать Хранителей выбранной линией, — говорит женщина рядом.

Эйран смотрит на неё.

— Нет.

— Почему? Мы единственные, кто может управлять драконами.

Архайр, стоящий за его спиной, раздражённо рычит.

Эйран не оборачивается.

— Во-первых, мы ими не управляем. Во-вторых, если спасём себя ценой остальных, Создатели уже победили.

— Ты готов рисковать нашим народом ради вампиров?

— Ради права каждого народа существовать без их разрешения.

Площадь гудит.

Кайрен чувствует, насколько непопулярны эти слова даже среди союзников.

Эйран поднимает руку.

— Они строят весь цикл на сравнении. Сильнее. Быстрее. Устойчивее. Удобнее. Они заставляют нас думать так же. Пока мы спорим, кто достоин выжить больше, мы уже живём по их правилам.

Кайрен ощущает холод.

Это почти точное описание того, что произойдёт через семь тысяч лет.

Валькар будет говорить о силе.

Охотники — об опасности.

Каждая линия будет иметь причины считать себя исключением.

Эйран продолжает:

— Мы не должны выигрывать их выбор. Мы должны сделать сам выбор бессмысленным.

Кто-то смеётся.

— И как?

Эйран смотрит на Архайра.

— Пока не знаю.

Кайрен почти усмехается.

Вот она, разница между легендой и человеком.

Легенды всегда знают, что делать.

Живые люди чаще всего сначала признают, что не знают.

Видение гаснет.

Золотой глаз Архайра снова появляется перед ним.

Но они тоже.

Теперь Кайрен понимает фразу иначе.

Опоздал не он лично.

Опоздала целая история.

Семь тысяч лет спустя тот же выбор снова открылся.

И, возможно, именно поэтому ключ разбудил не воина, не короля и не жреца.

А человека, привыкшего искать дороги там, где на карте пусто.

Кайрен попытался отступить, но тела у него не было.

Видение войны не закончилось первым столкновением драконов и кораблей.

Кайрен увидел землю через несколько дней или недель — определить время было невозможно. Долина была покрыта серым пеплом. Там, где раньше стояли башни, оставались оплавленные основания. По дорогам шли беженцы разных народов.

Среди них были бледные люди с тёмными глазами — будущая кровная линия. Рядом обычные люди. Несколько су-

ществ, которых Кайрен вообще не мог описать: их тела временами становились прозрачными, будто воздух проходил сквозь кожу.

Они не выглядели союзниками по великому плану.

Они выглядели выжившими, которым просто больше некуда идти.

Эйран появился среди них поздно вечером. Он был моложе, чем на других фрагментах памяти, и ещё не носил металлического жетона на шее.

— Северная линия разрушена, — сказал кто-то.

— Тогда используем западную.

— Там кровь.

— Они согласились.

— Сегодня. А завтра?

Эйран посмотрел на людей вокруг.

— Завтра спросим снова.

Кайрен запомнил ответ.

Создатели строили системы, где согласие выдавалось однажды и навсегда: проект создан, функция назначена, приказ записан.

Эйран каждый раз спрашивал снова.

Возможно, именно поэтому Архайр ему доверял.

Сцена сменилась.

Кайрен увидел первую встречу Эйрана и Архайра.

Не величественную.

Эйран лежал на земле, придавленный когтем.

Дракон был молодым, но уже огромным.

Люди вокруг кричали, кто-то готовил оружие.

Эйран поднял пустые руки.

— Если хочешь убить — убивай. Но если понимаешь меня, убери лапу. У меня заканчивается воздух.

Архайр приблизил морду.

Кайрен почувствовал драконье удивление.

Этот человек не отдавал приказ.

Он разговаривал.

Коготь поднялся.

Так началась связь, которую Создатели позже попытаются превратить в протокол.

Кайрен понял нечто важное: Хранителей, возможно, создавали как посредников, но настоящая связь возникла не благодаря проекту.

Проект лишь сделал разговор возможным.

Доверие появилось позже.

Само.

— Кто ты?

Но они тоже.

Глаз стал ярче.

Проснись.

Кайрен рухнул на пол собственной комнаты.

В чужой памяти время вело себя неправильно.

Кайрен мог видеть одну и ту же секунду с разных сторон. Сначала глазами Архайра, потом будто из самой системы,

потом глазами неизвестного человека.

Он увидел Эйрана не как легендарную фигуру, а усталым человеком.

На его лице была кровь. Одежда порвана. Он стоял перед Архайром и спорил с ним.

Смысл драконьих ответов приходил не словами.

Ты хочешь уйти.

— Должен.

Это ловушка.

— Знаю.

Тогда не иди.

Эйран улыбнулся.

— Иногда знание того, что это ловушка, не делает путь менее необходимым.

Архайр зарычал.

Но рёв был направлен не на врага.

На Эйрана.

Видение снова изменилось.

Кайрен увидел их в тёмной пещере. Эйран собирал вещи.

Архайр перекрывал выход огромным телом.

Не пойдёшь.

— Отойди.

Нет.

— У нас нет времени.

Тогда потрать его на объяснение.

Эйран раздражённо бросил сумку на землю.

— Я нашёл способ попасть на командный корабль.

Архайр расправил крылья настолько, насколько позволяла пещера.

Мы пойдём.

— Нет.

Почему?

— Потому что это почти наверняка путь в одну сторону.

И поэтому ты решил идти один.

— Да.

Кайрен чувствовал ярость дракона как собственную.

Это не просьба.

Эйран замолчал.

Архайр продолжил:

Ты учил других, что связь не означает право выбирать за второго. Теперь выбираешь за меня.

— Я пытаюсь сохранить тебе жизнь.

Так говорят хозяева.

Фраза ударила Эйрана сильнее крика.

Он медленно сел.

— Боюсь, — признался он.

Архайр опустил голову.

Я тоже.

— Если ты пойдёшь, шанс, что мы оба не вернёмся, выше.

Да.

— И всё равно хочешь?

Да.

Эйран долго смотрел на него.

Потом покачал головой.

— Тогда мне придётся придумать способ тебя обмануть.

Архайр фыркнул.

Попробуй.

Видение оборвалось.

Кайрен почувствовал, что Архайр в настоящем намеренно не показывает продолжение.

— Ты знал, что он уйдёт?

Тишина.

— Он тебя обманул?

Золотой глаз исчез из видения.

Это был ответ.

Кайрен внезапно понял, почему в голосе Архайра столько боли, когда речь заходит об Эйране.

Последний Хранитель не просто исчез.

Он нарушил собственный принцип.

Из любви.

Из страха.

Из желания защитить.

И последствия этой ошибки дракон носил семь тысяч лет.

Кайрен подумал о Торвене.

Защита без выбора.

Тема повторялась слишком часто.

Будто история раз за разом задавала один и тот же вопрос разным людям.

Сможешь ли ты позволить другому рисковать, если любишь его достаточно, чтобы хотеть запретить?

Кайрен не знал ответа.

Но чувствовал: ему ещё придётся его дать.

Кайрен почувствовал в этом звуке отчаяние.

Он не мог услышать продолжение. Видение рвалось.

Но успел заметить вещь на шее Эйрана.

Не ключ.

Маленький металлический жетон с тем же знаком, который Кайрен видел на старой карте Орена.

Эйран коснулся его перед тем, как сцена исчезла.

Когда Кайрен позже попытался зарисовать жетон, рука дрожала.

Он не знал, что означала сцена.

Но впервые увидел, что Архайр когда-то боялся потерять человека.

Это делало дракона гораздо менее похожим на чудовище из храмовых фресок.

Он тяжело дышал. Стол был перевёрнут. Карты лежали вокруг. Осколок снова стал тёмным.

Кайрен поднял ладонь.

Под кожей светились три тонкие дуги.

Точка между ними.

Не ожог.

Не порез.

Знак.

Он провёл по нему пальцем. Боли не было, только лёгкое тепло.

Раздался стук.

Три раза.

Медленно.

Кайрен замер.

— Кто там?

Ответа не было.

Он подошёл к окну.

После пробуждения Кайрен долго не мог встать.

Не из-за слабости.

Комната больше не ощущалась полностью его.

Ещё секунду назад он видел через чужие глаза. Теперь собственное тело казалось слишком маленьким, потолок — слишком низким, воздух — слишком неподвижным.

Он поднёс руку к лицу.

Знак под кожей светился мягко, без боли.

Кайрен попытался стереть его мокрой тканью.

Ничего.

Поднёс ладонь к пламени свечи.

Символ стал ярче.

— Великолепно, — сказал он. — Теперь я ещё и свечусь.

Шутка не помогла.

Кайрен вспомнил лицо человека из камеры.

Если осколок показывал настоящую память, кто сохранял её внутри устройства? Сам Архайр? Система? Эйран?

И почему видения открылись именно ему?

Он снова посмотрел на запись Орена: «Если проснётся — не неси в город».

Может быть, наставник уже находил похожий ключ.

Может быть, поэтому исчез.

Кайрен вдруг понял, что боится ответа на этот вопрос сильнее, чем вампиров за дверью.

Потому что если Орен действительно дошёл до этой тайны раньше, то существовала вероятность, что он не пропал случайно.

Кто-то мог заставить его исчезнуть.

В конце улицы стояла фигура в чёрном плаще.

Неподвижно.

Через несколько секунд рядом появилась вторая.

Потом третья.

Кайрен почувствовал холод.

На столе за его спиной осколок вспыхнул красным.

Кайрен спрятал светящуюся ладонь под рукавом прежде, чем открыть дверь.

За ней никого не было.

Только улица.

Но на пороге лежала монета.

Старая серебряная монета, какой Кайрен никогда не видел в обращении. На одной стороне — профиль короля с длинными волосами. На другой — герб в форме чёрного круга.

Он поднял её через ткань.

Монета была ледяной.

Под ней лежала сложенная полоска бумаги.

Всего одна строка:

«Мы предпочитаем разговор охоте».

Подписи не было.

Кайрен посмотрел в конец улицы.

Три фигуры исчезли.

Он закрыл дверь и положил монету рядом с осколком.

Герб на новой монете показался Кайрену знакомым.

Он открыл ящик стола и достал другую старую монету — ту, которую много лет назад нашёл на дороге вместе с Оре-ном. На одной стороне был стёртый профиль неизвестного правителя, на другой — дракон вокруг семи точек.

Наставник тогда сказал, что монета ничего не стоит и поэтому её особенно интересно хранить.

Теперь семь точек на старой монете перекликались с узорами в видениях, а чёрный круг на новой — с гербом незнакомцев.

Кайрен положил рядом карту, зарисовку целого ключа, обе монеты и посмотрел на знак на ладони.

Все детали словно происходили из одной системы, но за века потеряли первоначальный смысл. Знак стал украшением, дракон — сказкой, схема — дорогой.

Создатели исчезли, а их следы остались, потеряв смысл.

Кайрен вдруг задумался: сколько ещё вещей вокруг он ви-

дит каждый день и понимает неправильно?

Колокол.

Праздник семи огней.

Старинные песни.

Даже слово «Хранитель» могло выжить в другом значении.

Он достал тетрадь Орена и начал листать заметки о местных легендах.

На полях возле песни о семи огнях нашёл короткую фразу:

«Не семь. В старом варианте восемь. Кто и когда убрал последнего?»

Кайрен замер.

Орен заметил то же самое задолго до него.

На следующей странице:

«Если восьмой связан с чёрной линией, не показывать Торвену до проверки».

Кайрен перечитал несколько раз.

Почему не показывать Торвену?

Он посмотрел на дверь.

Впервые появилось ощущение, что секреты старика могут быть не только попыткой защитить.

Возможно, Орен не доверял ему полностью.

Эта мысль была хуже всех предыдущих.

Осколок вспыхнул красным.

Монета осталась холодной.

Кайрен понял: предмет не просто реагировал на опасность вообще.

Он узнавал что-то конкретное.

Возможно, тех, кому когда-то уже приходилось иметь дело с такими ключами.

ГЛАВА 4

ГОСТИ ПОСЛЕ ЗАКАТА

Красный свет пульсировал внутри осколка, как предупреждение.

Кайрен не сводил глаз с двери.

Стук повторился.

Один раз.

Пауза.

Второй.

— Кто там?

— Путники.

Мужской голос был спокойным. Слишком спокойным.

— В деревне есть трактир.

— Мы уже были там.

Кайрен приблизился к боковому окну.

В стекле отражалась комната: стол, свеча, его лицо, стена позади.

Но не человек за дверью.

Хотя тёмный силуэт был отчётливо виден снаружи.

Кайрен медленно отступил.

— Что вам нужно?

— То, что ты нашёл утром.

Сердце ударило сильнее.

До похода в трактир Кайрен спрятал ключ там, где меньше всего ожидал бы найти его сам: в старой коробке с измерительными шнурами.

Через минуту достал обратно.

Оставлять устройство в пустом доме казалось ещё глупее, чем носить с собой.

Он завернул осколок в несколько слоёв ткани и закрепил под рубашкой кожаным ремешком.

Красный свет всё равно слегка проступал.

Пришлось надеть сверху зимнюю куртку.

На улице он заметил маленькие детали, которые днём не бросились бы в глаза.

Две двери были помечены мелом знаком солнца — символом охотничьего ордена, который обычно встречался только на южных дорогах.

На перекрёстке лежала мёртвая птица без видимых ран.

А возле конюшни стояли три незнакомые лошади. Слишком ухоженные после горного перехода.

Кайрен понял: в деревню пришла не одна сторона.

Возможно, трое в чёрном были далеко не единственными, кто искал ключ.

— У меня ничего нет.

— Тогда почему оно светится?

Кайрен невольно посмотрел на осколок.

За дверью тихо рассмеялись.

— Кто вы?

— Люди, которые пришли раньше других.

— Каких других?

— Больше, чем тебе хотелось бы.

Шаги отдалились.

Кайрен подождал, потом выглянул. Улица была пустой.

Он завернул осколок, спрятал под одежду и отправился к трактиру.

Там было необычно тихо. Трое незнакомцев в тёмных плащах сидели за столом. Перед каждым стояла кружка, но никто не пил.

Трактирщик Орвен старательно протирал одну и ту же чашу.

Торвен сидел в дальнем углу.

Кайрен направился к нему.

— Они приходили ко мне.

Старик поднял глаза.

Трактир «Старый мост» никогда не был тихим вечером.

Даже зимой, когда караваны почти не проходили через деревню, здесь спорили охотники, играли в кости, ругались из-за цен на муку и слушали истории Торвена, половина которых менялась с каждым пересказом.

Сегодня люди говорили шёпотом.

Трое незнакомцев изменили помещение одним своим присутствием.

Они не делали ничего угрожающего. Не касались оружия. Не повышали голос. Но вокруг их стола словно существовал

пустой круг, куда никто не хотел ставить стул.

Кайрен заметил ещё одну странность.

Огонь в камине отражался в металлической пряжке Сарека.

Но кожа на его лице почти не принимала тёплый оттенок пламени.

Словно свет останавливался на поверхности.

Орвен принёс незнакомцам еду: тушёное мясо, хлеб, лук.

Они не притронулись.

— Не нравится? — спросил трактирщик, стараясь звучать оскорблённым, а не испуганным.

Сарек посмотрел на тарелку.

— Пахнет хорошо.

— Тогда ешьте.

— Я не голоден.

— Трое суток через горы и не голодны?

Тишина.

Орвен понял, что вопрос был лишним, и ушёл.

Сарек проводил трактирщика взглядом.

— Люди всегда думают, что любопытство делает их умнее.

— Иногда делает, — сказала Эллара.

Она сидела в дальнем углу, куда почти не доходил свет ламп. Для остальных посетителей она была просто ещё одной путницей. Сарек знал, что это впечатление исчезало, стоило ей захотеть.

— Ты опять защищаешь людей?

— Я защищаю точность формулировок.

— Валькару не понравится твоя точность, если мы вернёмся без ключа.

Эллара медленно провела пальцем по краю кружки.

— Мы ещё не знаем, что это ключ.

— Стены крепости называют его так в старых текстах.

— Тексты переводил мой отец.

Сарек прищурился.

— Ты сомневаешься в Валькаре?

— Я сомневаюсь во всех переводах, которые нельзя проверить.

— Это опасная привычка.

— Поэтому я до сих пор жива.

За соседним столом двое деревенских мужчин тихо спорили о том, был ли объект над площадью знаком богов. Один утверждал, что видел три белых огня. Другой говорил, что огней было четыре.

Эллара слушала вполуха.

Её интересовал Торвен.

Старый охотник сидел у стены и делал вид, что не обращает на них внимания.

Но его правая рука ни разу не покинула рукоять короткого ножа под столом.

Сарек тоже заметил.

— Он знает.

— Что-то знает.

— Убрать?

Эллара подняла глаза.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если он знает, то может привести нас туда, куда не приведёт мальчишка.

— Мы уже нашли мальчишку.

— Нашли дом. Не его значение.

Сарек откинулся назад.

— Ты говоришь как архивист.

— Каэль говорил так же.

Сарек замолчал.

Имя брата всегда работало лучше угрозы.

Эллара редко его произносила.

Каэль умер девять лет назад. Официально — во время обрушения старого подземного хода возле поместья Вейн. Неофициально Эллара помнила закрытую дверь кабинета отца, кровь на рукаве Валькара и приказ никому не задавать вопросов.

Каэль тоже интересовался древними знаками.

Каэль тоже говорил, что официальная история их рода не сходится.

И за два дня до смерти спросил Эллару, знает ли она, почему на старейших гербах Вейн семь точек, а на новых — только три.

Она тогда пожала плечами.

Теперь в деревне на севере появился юноша с неизвестным артефактом и знаком, который Каэль рисовал в своих тетрадах.

Совпадений стало слишком много.

— Ты думаешь о нём, — тихо сказал Сарек.

— Не твоё дело.

— Мы оба были там после обвала.

Эллара подняла взгляд.

— И?

— Я видел стену, которую он нашёл.

Она застыла.

— Какую стену?

Сарек сразу понял, что сказал лишнее.

— Ничего.

— Сарек.

Он вздохнул.

— Под его комнатой был чёрный слой. Совсем небольшой. Валькар приказал закрыть проход до того, как ты приехала.

Эллара почувствовала, как холодеют пальцы.

— Отец знал, что Каэль нашёл узел.

— Я этого не говорил.

— Нет. Ты сказал достаточно.

Она поднялась.

— Куда?

— На воздух.

— Эллара.

Она остановилась у лестницы.

— Если Валькар знал о ключах девять лет назад и ничего мне не сказал, значит, этот мальчишка — не случайная цель.

— Приказ остаётся приказом.

— Для тебя.

Сарек улыбнулся без веселья.

— Однажды твоя привычка сомневаться поставит нас по разные стороны.

Эллара посмотрела на него.

— Возможно, мы уже там.

Она вышла на крышу мельницы.

Холодный воздух ударил в лицо.

Внизу Кайрен шёл по площади рядом с Торвеном.

Красный свет едва заметно просачивался из-под его одежды.

Эллара смотрела на него и думала не о приказе отца.

Она думала о Каэле.

И о том, что, возможно, впервые за девять лет получила шанс узнать, за что он умер.

Торвен наблюдал за незнакомцами из-за кружки.

Кайрен наклонился к нему.

— Вы их знаете.

— Нет.

— Опять врётё.

— Сегодня у меня насыщенный день.

— Кто такой Валькар?

Торвен едва заметно дёрнулся.

— Откуда это имя?

— Они упоминали?

— Кайрен.

— Значит, знаете.

Старик поставил кружку.

— В некоторых старых историях есть дом, который пережил королей, войны и три попытки его уничтожить. Люди меняли названия этих существ, но чаще всего называли их Вейн.

— Вампиры.

Торвен посмотрел на него так, будто само слово могло привлечь внимание.

— Не произноси это слишком громко.

— Почему? Они обидятся?

— Потому что они услышат.

Кайрен посмотрел на Сарека.

Тот сидел на другом конце зала.

И улыбался прямо ему.

— Что сказали?

— Что знают о находке.

— Покажи.

Кайрен приоткрыл куртку.

Торвен увидел край чёрного металла.

Его лицо изменилось.

— Где?

— В пещере после обвала.

Старик закрыл глаза.

— Мы опоздали.

— Кто «мы»?

— Не здесь.

За соседним столом кто-то тихо поставил кружку на дерево.

Кайрен посмотрел в ту сторону.

Сарек заговорил с Торвеном первым.

— Вы охотник.

Старик не ответил.

— Были на северном склоне?

— Бывал.

— Видели что-нибудь интересное?

— Снег.

Сарек улыбнулся.

— Вы всегда так отвечаете на вопросы?

— Только на плохие.

— А что делает вопрос плохим?

— Человек, который его задаёт.

Несколько посетителей едва удержались от улыбки.

Сарек не обиделся.

— Мне говорили, северяне грубые.

— А мне говорили, вампиры умные. Видимо, слухам

нельзя доверять.

В трактире стало настолько тихо, что Кайрен услышал, как Орвен уронил ложку за стойкой.

Сарек посмотрел на Торвена.

На миг его лицо стало совершенно пустым.

— Осторожнее, старик.

— Я осторожничал последние двадцать лет. Надоело.

Эллара, сидевшая за другим столом в тени капюшона, слегка повернула голову.

Кайрен понял: Торвен специально провоцирует их.

Отвлекает.

От него.

Эта мысль заставила Кайрена впервые увидеть в старом охотнике не человека, который скрывает правду, а человека, который, возможно, всё это время пытался его защищать.

Один из незнакомцев улыбнулся.

Не дружелюбно.

Скорее так улыбается человек, который услышал именно то, что хотел.

Кайрен наклонился к Торвену.

— Вампиры?

Старик ничего не ответил.

Этого было достаточно.

Пока Кайрен говорил с Торвеном, незнакомцы в трактире вели собственный разговор.

Сарек держал кружку скорее ради приличия, чем из же-

лания пить.

— Мальчишка похож на Орена, — сказал третий вампир, которого звали Нер.

Эллара мгновенно посмотрела на него.

— Ты видел Орена?

— Один раз. Лет двадцать назад.

— Он человек. Двадцать лет — не один раз для него.

— Поэтому и запомнил. Очень раздражающий.

Сарек усмехнулся.

— Значит, действительно наставник мальчишки.

Эллара наклонилась ближе.

— Почему мне никто не сказал, что дом Вейн уже следил за этим картографом?

Нер пожал плечами.

— Не мой уровень доступа.

— Кто приказал?

— Тогда? Один из людей твоего отца. Я доставил письмо и всё.

— Что было в письме?

— Я не вскрываю письма главы дома.

Сарек посмотрел на него.

— Лжёшь.

— Хорошо. Иногда вскрываю. Это не вскрыл.

Эллара перестала слушать шутку.

Орен был связан с Валькаром задолго до появления ключа у Кайрена.

Значит, отец не просто ждал случайной активации древнего устройства.

Он следил за линией исследования.

Возможно, десятилетиями.

Эллара посмотрела на Кайрена у дальнего стола. Молодой картограф что-то сердито говорил Торвену, а старик отвечал всё короче.

— Сарек.

— Да?

— Никому не сообщай про знак на его руке, пока я не скажу.

Сарек медленно поставил кружку.

— Это прямое нарушение приказа.

— Пока знак не подтверждён, сообщать нечего.

— Ты только что сказала, что он активировался.

— Я могу ошибаться.

— Ты никогда не признаёшь такую возможность.

— Сегодня особенный день.

Сарек смотрел долго.

— Хорошо. До утра.

— До моего решения.

— До утра, Эллара.

Она не стала спорить.

Вампиры жили долго именно потому, что умели понимать, где заканчивается компромисс.

До рассвета ей нужно было выяснить, кем является Кай-

рен.

И почему Валькар, возможно, знал о нём раньше неё.

Позже, когда Кайрен вышел из трактира, на крыше старой мельницы стояла девушка.

Она наблюдала за площадью сверху. Длинные тёмные волосы двигались на ветру. В её неподвижности было что-то хищное, но лицо казалось почти спокойным.

— Значит, правда активировался, — сказала она.

Позади появился мужчина.

Он двигался так тихо, что обычный человек не услышал бы.

На крыше мельницы Эллара наблюдала не только за Кайреном.

Она считала выходы из площади, оценивала расстояние до леса, замечала людей с оружием. Привычка, воспитанная домом Вейн задолго до того, как ей позволили впервые покинуть столицу без сопровождения.

Сарек стоял рядом.

— Ты медлишь.

— Я думаю.

— Валькар не посылал нас думать.

— Именно поэтому он послал меня, а не только тебя.

Сарек тихо рассмеялся.

— Всё ещё пытаешься доказать ему, что ты не дочь, которую можно держать при дворе?

Эллара посмотрела на него.

— Ещё одно слово о моей семье, и ты полетишь с крыши.

— Я переживу.

— Я могу попробовать ещё раз.

Они знали друг друга почти век — для человека это было бы несколько жизней, для их народа лишь достаточно долго, чтобы научиться раздражать друг друга без усилий.

Сарек был верен Валькару. Эллара когда-то тоже считала себя верной.

Потом начала читать архивы.

В официальной истории дома Вейн слишком много страниц отсутствовало. Целые десятилетия описывались одной строкой. Некоторые имена выскабливали из родословных. А знак трёх дуг встречался в документах за столетия до того, как, по легенде, появился основатель дома.

Эллара задавала вопросы.

Отец отвечал всё реже.

И вот теперь такой же знак появился под кожей человеческого мальчишки из горной деревни.

Нет.

Она не собиралась просто забрать его и отвезти Валькару.

Пока не поймёт, почему отец так долго искал этот ключ.

Она услышала.

— Эллара.

— Не подкрадывайся, Сарек.

— Я не подкрадывался.

— Именно поэтому ты раздражаешь.

Он встал рядом.

— У мальчишки артефакт.

— Вижу.

Эллара не сводила глаз с Кайрена, пока тот разговаривал с Торвеном.

Красный свет под его курткой пульсировал в такт, который она не могла понять.

— У обычных артефактов нет цвета тревоги, — сказала она.

Сарек встал рядом на краю крыши.

— Ты решила, что это тревога?

— А ты решил, что украшение?

— Я решил, что нам приказали забрать предмет.

— Предмет привязан к мальчишке.

— Значит, заберём обоих.

Эллара повернулась.

— И если связь убьёт его?

— Валькар разберётся.

— Как разобрался с Каэлем?

Сарек устало выдохнул.

— Мы уже это обсуждали.

— Нет. Ты уклонялся.

— Потому что правда тебе не понравится.

— Попробуй.

Сарек посмотрел на площадь.

— Валькар действительно пытался спасти его.

Эллара замерла.

— Что?

— Каэль активировал узел. Поглощение вошло в него первым. Твой отец перехватил связь на себя.

— Почему никогда не сказал?

— Потому что Каэль умер всё равно.

— И это должно оправдать молчание?

— Нет. Я просто говорю, что история сложнее, чем тебе удобно.

Эллара почувствовала злость.

Но вместе с ней — сомнение.

Она ненавидела его больше.

Простой злодей был бы легче.

— Тогда почему отец продолжил использовать линию?

— Потому что после смерти Каэля решил, что если бы был сильнее раньше, смог бы его спасти.

Эллара закрыла глаза.

Вот это уже звучало слишком похоже на Валькара.

Превратить потерю в оправдание следующего шага.

— Ты поэтому остаёшься с ним?

Сарек не ответил сразу.

— Я помню, каким он был до этого.

— А если того человека больше нет?

— Тогда, возможно, я слишком долго это признавал.

Внизу Кайрен поднял голову.

На секунду показалось, что он смотрит прямо на Эллару.

Она отступила от края.

— Я поговорю с ним сама.

— С Валькаром?

— С Кайреном.

— Это нарушает приказ.

Эллара улыбнулась.

— Тогда не рассказывай.

— Приказ Валькара ясен.

Эллара не сводила глаз с Кайрена.

— Красный сигнал не появлялся больше пяти веков.

Сарек перестал улыбаться.

Когда Эллара произнесла имя Валькара, её голос почти не изменился.

Но Сарек услышал то, чего не заметил бы человек.

Сомнение.

— Ты всё ещё злишься на него из-за архивов? — спросил он.

— Я не злюсь.

— Конечно.

— Я хочу ответы.

— Ответы — роскошь. Особенно в доме, который существует тысячу лет.

Эллара посмотрела вниз на Кайрена.

— Именно поэтому я устала от роскоши.

Она вспомнила последний разговор с отцом.

Валькар стоял перед камином, хотя огонь не был ему ну-

жен.

— Найди ключ, — сказал он.

— Что он открывает?

— Неважно.

— Для кого?

— Для нас.

— Это не ответ.

— Это приказ.

Эллара тогда поклонилась.

И впервые в жизни решила выполнить приказ не так, как от неё ожидали.

Если ключ действительно активировал древний знак на человеке, она собиралась узнать почему прежде, чем отец получит возможность стереть ещё одну страницу истории.

— Ты уверена?

— Да.

— Тогда нужно сообщить Валькару.

— Сначала я хочу понять, почему артефакт выбрал именно его.

— Артефакты не выбирают.

Эллара чуть повернула голову.

— Этот выбрал.

В горах вспыхнул синий свет.

Один раз.

Той ночью Торвен не пошёл домой сразу.

Он сидел у закрытого трактира, пока площадь не опусте-

ла, и смотрел на север.

Мейра принесла ему кружку горячей воды с травами.

— Он нашёл? — спросила она.

Торвен не стал притворяться, что не понимает.

— Да.

— Орен говорил, что однажды найдёт кто-то молодой.

— Орен слишком много говорил.

— Поэтому ты его любил.

Торвен поморщился.

Мейра села рядом.

— Ты расскажешь мальчику?

— Нет.

— Тогда расскажут они.

— Знаю.

— И что хуже?

Торвен долго молчал.

Почти двадцать лет назад он сам ходил с Ореном к северным руинам. Тогда они нашли только чёрную стену в пещере и знак, который не смогли открыть. Через несколько месяцев Вейн прислали людей. Орен понял, что кто-то отслеживает старые узлы, и начал собирать карты.

А потом исчез.

Торвен так и не простил себе, что не пошёл с ним в последний раз.

— Если скажу Кайрену правду, он полезет ещё глубже, — сказал он.

Мейра посмотрела в сторону дома Кайрена.

— А если не скажешь, он полезет туда вслепую.

Торвен закрыл глаза.

Этого ответа он боялся.

Потом второй.

Сарек поднял голову.

Издалека донёсся рёв.

На красный сигнал ответил не человек.

Дракон.

Слово повисло над столом.

Никто не засмеялся.

Торвен медленно поставил кружку.

— Кто вам сказал?

Незнакомец в центре улыбнулся.

— Значит, есть что говорить.

— Я спросил, кто.

— Старые дороги рассказывают многое тем, кто умеет читать.

Кайрен, слушавший из соседнего угла, почувствовал, как кожа покрывается мурашками.

Это была почти фраза Орена.

Слишком похожая.

Торвен тоже заметил.

— Кто дал вам карту?

— Карты переживают хозяев.

— Не все.

Незнакомец наклонил голову.

— Ты знал картографа.

Кайрен едва не вышел из укрытия.

Торвен сжал кружку так сильно, что костяшки побелели.

— Много картографов ходило по северу.

— Этот задавал неправильные вопросы.

— Для кого неправильные?

— Для тех, кто предпочитал, чтобы север оставался пустым на карте.

Кайрен перестал дышать.

Они говорили об Орене.

Он хотел вмешаться, но чья-то рука легла ему на плечо.

Орвен, трактирщик, едва заметно покачал головой.

«Не сейчас», — беззвучно показал губами.

Кайрен остался.

Незнакомец продолжил:

— Он жив?

Торвен ответил:

— Если бы я знал, вы бы не спрашивали меня.

На секунду спокойствие мужчины исчезло.

Значит, вампиры тоже искали Орена.

Это меняло всё.

Наставник не просто случайно наткнулся на старый узел.

Он оказался частью той же охоты, в которую теперь втянули Кайрена.

И если обе стороны спустя три года всё ещё задавали во-

прос «жив ли он», значит, ответ не был очевидным никому.

После того как Сарек ушёл с площади, Эллара задержалась на крыше одна.

Она слышала сердце Кайрена даже отсюда.

Быстрое.

Неровное.

Человеческое.

Слишком молодое для той игры, в которую его втянули.

На мгновение ей стало почти жаль его.

Эллара тут же отбросила чувство. Жалость делала людей неосторожными.

Но другое ощущение осталось.

Ответственность.

Если Валькар действительно знал, что ключ выберет Хранителя, значит, он отправил Эллару за человеком, которого, возможно, собирался использовать.

Отец не сказал ей этого.

Сарек тоже не знал всего.

Эллара посмотрела на север.

В горах над вершиной снова появился слабый синий отблеск.

Сарек тоже заметил.

— Он отвечает ключу.

— Или ключ отвечает ему.

— Какая разница?

Эллара посмотрела на мужчину.

— Огромная.

Если ключ управлял драконом — Валькар получал оружие.

Если дракон сам отвечал ключу — всё становилось сложнее.

И гораздо интереснее.

— Я пойду к мальчишке утром, — сказала она.

— Почему не сейчас?

— Потому что если появлюсь у его двери ночью сразу после трёх вампиров, доверие будет сложно выстроить.

— Ты собираешься выстраивать доверие?

— Собираюсь получить ответы.

— Это не одно и то же.

— Иногда первое быстрее второго.

Сарек покачал головой.

— Валькар приказал не вступать в лишний контакт.

— А ещё Валькар не рассказал мне о комнате Каэля.

— Ты превращаешь задание в семейный спор.

— Возможно, семейный спор был заданием ещё до нашего приезда.

Она спустилась с крыши.

На улице встретила Торвена.

Старик остановился, увидев её.

— Вейн.

Эллара удивилась.

— Мы знакомы?

— Нет.

— Тогда откуда имя?

— Я знал человека, который однажды слишком много спрашивал о вашем доме.

— Орен?

Торвен не ответил.

Этого хватило.

Эллара шагнула ближе.

— Где он?

— Если бы знал, не стоял бы здесь.

— Он искал ключ?

— Он искал правду.

— Обычно это опаснее.

Торвен посмотрел на неё с неожиданным пониманием.

— В этом мы согласны.

Они разошлись, не сказав больше ни слова.

Но теперь Эллара знала: история Кайрена началась задолго до вчерашнего обвала.

Дракон ответил на сигнал.

Истории, которые она считала религиозной ложью семьи, внезапно начали оживать одна за другой.

Она приняла решение.

Утром найдёт Кайрена первой.

И пока не получит ответы, домой он не поедет.

ГЛАВА 5

ДЕВУШКА ИЗ ДОМА ВЕЙН

Кайрен ушёл из деревни до рассвета.

Торвен велел идти на восток, к старой дороге, где можно было затеряться среди торговых повозок.

Кайрен пошёл на север.

Он понимал, насколько это глупо. Но после ночного визита неизвестных, знака на ладони и видений он больше не верил, что безопасная дорога существует вообще. Восток лишь отложил бы вопросы. Север мог дать ответы.

Сумка была лёгкой: вода, немного хлеба, нож, карта, запасной карандаш и осколок, завёрнутый в несколько слоёв ткани.

У ручья он остановился набрать воды.

— Если собираешься скрываться, выбирай менее предсказуемые дороги.

Кайрен резко обернулся.

На камне сидела девушка.

Тёмные волосы, дорожный костюм, высокие сапоги. На первый взгляд ничего необычного. Но она сидела так спокойно, будто ждала его уже час и была уверена, что он придёт именно сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.